

ГИППИЙ МЕНЬШИЙ

Перевод Я. М. Боровского.

ВВЕДЕНИЕ.

I

Действие „Гиппия Меньшего“ естественнее всего представлять себе происходящим через несколько дней после той встречи Сократа с приехавшим в Афины Гиппием, которая изображена в большем диалоге, названном именем элидского софиста; в начале завязавшегося при этой встрече разговора (286 А — В) Гиппий сообщает Сократу о своем намерении выступить в школе Фидострата с публичным чтением этико-педагогического сочинения, где отвлеченная тема развивается в обрамлении образов, заимствованных из гомеровского эпоса. В „Гиппии Меньшем“ мы застаем Гиппия в тот момент, когда он закончил лекцию, посвященную сравнительной нравственной характеристике главных героев этого эпоса, и очень близко примыкавшую, следовательно, к чтению в школе Фидострата, может быть, даже составлявшую его непосредственное продолжение.

Лекция кончена; слушатели Гиппия разошлись; осталась только небольшая группа „наиболее стремящихся участвовать в философской беседе“. Один из них — тот самый Евдик, сын Апеманта, по просьбе которого и состоялось публичное выступление Гиппия, — приглашает все время молчавшего Сократа высказать свое мнение по поводу услышанного. Сократ охотно следует этому приглашению. Остановившись на сделанной Гиппием характеристике Одиссея, как самого изворотливого (*πολύτροπος* — обычный эпитет Одиссея у Гомера) из прибывших под Трою греков, он просит докладчика разъяснить, какие именно особенности, отличающие Одиссея от остальных героев, заставляют дать ему такое прозвище.

Когда оказывается, что „изворотливый“ — не что иное, как „живой“, Сократ возражает своему собеседнику рассуждением, сводящимся к следующему: для того, чтобы быть живым, т. е. уметь лгать о чем-нибудь, необходимо знать об этом правду; но то же самое, очевидно, необходимо для того, чтобы быть правдивым; следовательно, между живым и правдивым нет никакой разницы, и Одиссей в этом отношении ничем не отличается от Ахилла. Гиппий поставлен в тупик таким выводом. Он ничего не может возразить и только негодует на диалектическую манеру Сократа, который всегда „выхватывает самое трудное во всяком вопросе и разбирает по мелочам, а не пробует целиком овладеть предметом“. Вызова Гиппия оставить педантическое исследование и произнести в защиту своего положения речь, на которую можно было бы ответить также речью, Сократ не принимает. Вместо того он рядом цитат из Илиады показывает живость Ахилла, и когда Гиппий замечает, что Ахилл лжет по простоте, сам того не желая, а Одиссей — с умыслом, озадачивает противника утверждением, что добровольно лгущие лучше лгущих поневоле. Так как ссылка на то, что это было установлено в предыдущей части беседы Гиппия не убеждает, да и в самом деле ее трудно признать основательной, то Сократ снова доказывает

свой тезис, придав ему на этот раз еще более общую форму — добровольно согрешающие лучше согрешающих невольно.

Гиппий попрежнему не в состоянии противопоставить что-нибудь замысловатым сплетениям умозаключений, которыми его опутывает Сократ. Его умственных сил едва хватает на то, чтобы следить за ходом рассуждения Сократа, так что он, под конец разговора, совершенно оставляет попытку возражать и ограничивается односложными утвердительными репликами в ответ на каждую фразу Сократа. Окончательно упершись в представляющееся ему бессмыслицей утверждение Сократа, Гиппий недоумевающе разводит руками: „Не знаю, Сократ, как мне с тобой в этом согласиться“. „Да и я не знаю, Гиппий, как согласиться с самим собой; но рассуждение заставляет нас сделать этот вывод“. Этими словами Сократа, вносящими новую ноту в диалог, который до сих пор был сплошной сатирой на Гиппия, заканчивается беседа.

II

Парадоксальность этических воззрений, развиваемых Сократом, шокировала не одного Гиппия. Она, главным образом, и послужила поводом к сомнениям в подлинности „Гиппия Меньшого“, высказывавшимся Астом, Шлейермахером, а вслед за ними и другими критиками. Действительно, утверждение „добровольно согрешающий лучше согрешающего невольно“ может показаться выражением крайнего имморализма. По словам Джорджа Грота, „если бы в диалоге рассуждения Сократа были вложены в уста Гиппия, то большинство критиков указывало бы на них, как на образец софистики, оправдывающей неслестные эпитеты, которыми эти критики снабжают афинских софистов, как людей, не признающих разницы между правдой и ложью, губителей нравственности, развратителей афинского юношества“ (Plato, I, 394).

Как примирить это „ниспровержение устоев нравственности“ с классическим образом Сократа — борца за добродетель, за нравственное совершенствование человека? Как допустить, что Платон заставил его взять на себя столь неблагодарную роль? Наиболее простое и вместе с тем наиболее радикальное решение этих вопросов мы только что указали. Разумеется, признав „Гиппия Меньшого“ подложным, мы уже не обязаны объяснять встречающиеся в нем странности и вообще сколько-нибудь серьезно с ним считаться. Но подлинность диалога можно считать почти бесспорной благодаря упоминанию, которое о нем делает Аристотель в своей „Метафизике“ (IV, 1025a, б сл.), оспаривая его основное положение и вскрывая в доказательстве последнего логические ошибки. Правда, имени Платона Аристотель при этом не называет; но это вполне согласуется с обычным для Аристотеля способом цитировать Платона. Предположение же, что подложный диалог был включен в платоновское наследие уже в тот короткий промежуток времени, который отделяет Аристотеля от Платона, крайне неправдоподобно. Поэтому гипотеза о подложности „Гиппия Меньшого“ в настоящее время почти не имеет сторонников.

Зато многие критики, признавая диалог подлинным произведением Платона, отрицают все же за ним значение выразителя Платоновой философии в том смысле, в каком этим значением обладают другие диалоги. Говорят, что

Платон преследует в „Гиппии Меньшем“ полемические или сатирические, но не объективно-научные цели. Так, было высказано мнение, что в рассуждениях Сократа Платон дает карикатурный образчик софистической диалектики (Schwalbe, Oeuvres de Platon, цит. у Грота, ук. м.). Другие не заходят так далеко, и, не приписывая Платону намерения сделать из Сократа софиста, переносят центр тяжести диалога в насмешки над настоящим софистом — Гиппием. Такого взгляда придерживается, например, один из новейших исследователей „Гиппия Меньшего“ Поленц. „Не может быть никакого сомнения в том, что „Гиппий“ — *παίγδιον* (шутка), где Платон умышленно пользуется неправильными умозаключениями, чтобы притти к бессмысленному результату“¹. Ближко примыкает к этому и взгляд Владимира Соловьева: „Без всякого сомнения, разговор имеет характер диалектического упражнения с целью обличить умственную несостоятельность знаменитого и самоуверенного софиста“ (Творения Платона, II, 166).

III

Бесспорно, сатирический элемент в „Гиппии Меньшем“ очень явствен. Но ограничивать весь смысл диалога насмешкой над глуповатым учителем мудрости, лишая его всякого положительного философского содержания, значило бы приписывать Платону бесцельное зубоскальство, совершенно несвойственное ему и вряд ли более достойное его, чем те логические ошибки, которые допущены в диалоге. Для того, чтобы приблизиться к правильному пониманию „Гиппия Меньшего“, прием, прежде всего, во внимание тот (уже отмеченный в литературе) факт, что составляющие ядро диалога рассуждения Сократа о превосходстве умышленно глущего над невольной глущим почти текстуально повторяются в Ксенофоновых „Воспоминаниях о Сократе“ (IV, 2, 19 сл.). Уже само это совпадение должно заставить нас отнестись к этим рассуждениям не как к *παίγδιον*, а более серьезно. Но, что еще более важно, они вполне гармонируют с созданной Сократом интеллектуалистической теорией нравственности, основанной на убеждении, что никто добровольно не совершает зла, что добродетель есть знание добра. Ведь, строя нравственность на знании, другими словами, устраняя самостоятельность нравственного момента в характеристике действующих субъектов, мы оставляем себе единственный критерий для сравнительной оценки их нравственных достоинств, — наличие или отсутствие знания. Кто обладает знанием, тот „лучше“ того, кто им не обладает — таково обычное положение сократовской морали; „и при том независимо от того, пользуется ли он своим знанием или нет“, прибавляет к этому „Гиппий Меньший“, вместе с указанным местом „Воспоминаний“ Ксенофонта. Конечно, предположение существования такого человека, который не руководился бы в своих действиях знанием, для Сократа чистая фикция, как подтверждают характерные оговорки, которые он предпосылает своему суждению и у Платона и у Ксенофонта. Но что это обстоятельство далеко не лишает мысль Сократа философского значения, станет совершенно очевидным, если мы выразим ее в терминах

¹ Pohlenz, Aus Platos Werdezeit, 66.

более привычного для нас мировоззрения, признающего самостоятельность нравственного момента: кто совершает безнравственный поступок, оценивая его как таковой, тот лучше того, кто совершает его, не будучи способен к нравственной оценке. Не скрыт полный смысл слов Сократа и от него самого; и если он, решаясь их произнести, торопится прибавить: „но ведь это только фикция“, то менее всего можно отсюда делать вывод, что он не придает им серьезного значения.

IV

Итак, мы считаем доказанным, что Сократ действительно учил так, как о нем свидетельствуют оба его ученика. Значит, и в самом деле Сократ учил безнравственности? Нет, конечно. Это значит только то, что Сократ, как философ, впервые критически отнесся к традиционной морали, основанной на привычке. Подвести фундамент рационалистической философии под эту традиционную мораль он не смог и смело и последовательно заменил ее новой. Была ли эта замена удачной, на это каждый ответит сообразно со своим собственным мировоззрением, а история философии в праве от такой постановки вопроса отказаться. Для нее важно лишь установить, что, выступая с ниспровержением определенной системы морали, Сократ тем самым брал на себя роль защитника морали, как таковой.

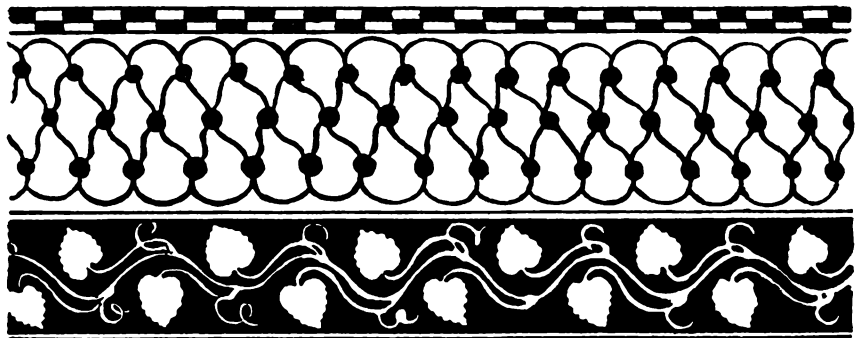
V

Возвращаясь к „Гиппию Меньшему“, мы должны определить, что в нем характерно для Платона, как продолжателя, а не только передатчика Сократовой философии. Сравнение с Ксенофонтом, которое и здесь служит исходным пунктом, дает в этом отношении одну очень характерную черту. Это — заключительные слова Сократа. В них, конечно, нельзя видеть, вслед за Владимиром Соловьевым, „заявление Сократа, что он сам с собой несогласен“: ведь за словами „не знаю, как согласиться с самим собой“, которые выражают лишь эмоциональное отношение говорящего к полученному выводу, следует ясное и решительное утверждение его необходимости. Все же и при таком понимании эти заключительные слова далеки от ясной и целостной гармоничности Сократа, которого *λόγος* ведет, а не влечет; это не отрицание, даже не сомнение, но тот зародыш сомнения, который сообщает мысли способность внутреннего развития.

Эту черту „Гиппия Меньшего“, думается, позволительно приписать Платону, как самостоятельному мыслителю. Тем не менее, сходство с изложением Ксенофонта так велико, что „Гиппия Меньшего“ нужно признать типичным „сократическим“ диалогом, и отнести, следовательно, к самому началу писательской деятельности Платона, когда его уклонения от философии Сократа едва только обозначались ¹.

Я. Боровский.

¹ H. Raeder, *Platons philosophische Entwicklung*, 94 сл., помещает диалог вслед за „Апологией Сократа“; C. Ritter, *Platon*, I, 55 сл., и Wilamowitz-Moellendorf, *Platon* ², I, 135 сл. относят его ко времени до смерти Сократа.

Евдик. А что же ты, Сократ, молчишь, после того как Гиппий произнес такую речь? Ты и не одобряешь ничего из сказанного, и не возражаешь, если что-нибудь в ней кажется тебе сказанным неладно. Ведь тут остались только мы, которые более всего стремимся участвовать в философской беседе. 363

Сократ. Конечно, Евдик, есть кое-что, о чем я с удовольствием спросил бы Гиппия, из того, что он сейчас говорил о Гомере. Ведь я и от твоего отца Апеманта слышал, что Илиада у Гомера поэма более прекрасная, чем Одиссея, и настолько прекраснее, насколько Ахилл доблестнее Одиссея: одна из этих поэм, говорит Апемант, сочинена на Одиссея, другая на Ахилла. Вот об этом, если Гиппий ничего не имеет против, я охотно спросил бы его, раз уже он сообщил нам столько разнообразных вещей и о других поэтах и о Гомере, — как он думает об этих мужах, кто из них доблестнее. C

Евдик. Конечно, Гиппий не откажется отвечать, если ты у него что-нибудь спросишь. Ведь правда, Гиппий, ты ответишь, если Сократ спросит у тебя что-нибудь? Или нет?

Гиппий. Странно, Евдик, поступил бы я, если бы уклонился от вопросов Сократа. Ведь я постоянно, отправляясь из дому, из Элиды, в Олимпийское святилище на всеэллинское собрание, когда происходят там Олимпийские игры¹, предоставляю себя в распоряжение всякого, кто пожелает говорить со мною о чем D

угодно из того, что приготовлено мной для произнесения речи, и готов отвечать желающим, о чем бы кто ни спросил.

364 Сократ. Счастливее же ты, Гиппий, если каждую олимпиадуходишь в святилище с такой уверенностью в мудрости своей души; меня удивил бы тот из участников в телесных состязаниях, который идет на них так бесстрашно и с такой уверенностью относительно своего тела, как ты — относительно своего ума.

Гиппий. Не без основания, Сократ, я так уверен: с тех пор, как я начал выступать на Олимпийских состязаниях, я не встретил никого сильнее себя ни в чем.

3

Сократ. Прекрасный дар мудрости, Гиппий, составляет твоя слава и для города элейцев и для твоих родителей. Но что же ты скажешь нам об Ахилле и Одиссее? Кто, по твоему, доблестнее и в чем? Когда нас тут было много, и ты выступал со своей речью, я не уследил за твоими словами: я стеснялся тебя переспросить, так как здесь была большая толпа, и я не хотел вопросом прерывать твоё изложение. Теперь же, так как нас меньше, и Евдик вот советует спросить, — скажи и объясни нам с хорошенько, что ты говорил об этих мужах? Как ты их различаешь?

Гиппий. Что же, Сократ, я готов изложить тебе еще яснее, чем тогда, то, что думаю и о них и о других. Я утверждаю, что Гомер изобразил самым доблестным мужем из пришедших под Трою Ахилла, самым мудрым — Нестора, а самым изворотливым — Одиссея.

Сократ. Ах, Гиппий, окажи мне милость, не смейся надо мной, если я буду с трудом понимать твои слова и часто тебя D переспрашивать. Постарайся кротко и терпеливо отвечать мне.

Гиппий. Да мне было бы стыдно, Сократ, не оказать снисхождения твоим вопросам и не отвечать кротко, коль скоро я обучаю тому же самому других и беру за это деньги.

4

Сократ. Очень хорошо. Так вот, когда ты говорил, что Ахилл изображен самым доблестным, а Нестор — самым мудрым,

мне казалось, что я понимаю твои слова. Но когда ты сказал, что Одиссея поэт изобразил самым изворотливым, вот тут я, Е
сказать тебе по правде, совсем не понимаю, что ты имеешь в виду. Скажи мне — может быть, я так лучше пойму: разве Ахилл изображен у Гомера не изворотливым?

Гиппий. Нисколько, Сократ, наоборот, совсем простодушным. Например, в „Мольбах“², когда Гомер выводит их в разговоре друг с другом, Ахилл у него говорит Одиссею:

Зевсово племя, герой Лаэртид, Одиссей многоумный, 365
Должен теперь я ответить тебе откровенною речью,
Как поступить я намерен, и как, я надеюсь, свершится.
Тот мне равно ненавистен с вратами подземного царства,
Кто на уме скрывает одно, говорит же другое. В
Я же скажу напрямик, и так это будет на деле.

В этих словах он показывает нрав каждого из обоих мужей, именно, что Ахилл правдив и простодушен, а Одиссей изворотлив и лжив: ведь он заставляет Ахилла говорить эти слова против Одиссея.

Сократ. Вот теперь, Гиппий, я, кажется, понимаю, что ты имеешь в виду: изворотливым ты, повидимому, называешь лживого.

Гиппий. Именно, Сократ: ведь таким Гомер представил С
Одиссея во многих местах, и в Илиаде и в Одиссее.

Сократ. Значит, Гомер, повидимому, полагал, что иной муж бывает правдив, иной бывает лжив, а не один и тот же.

Гиппий. А то как же, Сократ?

Сократ. Ты и сам так думаешь, Гиппий?

Гиппий. Конечно; странно было бы думать иначе.

5

Сократ. Тогда оставим Гомера! Его ведь нельзя спросить, что он думал, сочиняя эту речь. Если оказывается, что ты принимаешь на себя ответственность и держишься того же мнения, D
какое приписываешь Гомеру, то ты и отвечай сразу и за Гомера и за себя.

Гиппий. Пусть будет так! Спрашивай покороче, о чем хочешь.

Сократ. Лживые, по твоему, как больные, не способны делать что-нибудь, или способны?

Гиппий. По моему, способны, и даже очень, как на многое другое, так и на то, чтобы обманывать людей.

Е Сократ. По твоим словам выходит, что они люди способные и изворотливые. Ведь так?

Гиппий. Да.

Сократ. А изворотливы они и обманщики от тупости и неразумия, или от хитрости и своего рода ума?

Гиппий. Конечно, от хитрости и ума.

Сократ. Выходит, значит, что они умны.

Гиппий. Даже слишком, клянусь Зевсом.

Сократ. А будучи умными, обладают ли они знанием?³

Гиппий. Обладают, и даже очень: потому-то они и творят зло.

Сократ. А понимая то, что они понимают, невежественны они или мудры?

366 Гиппий. Конечно, мудры на это самое — обманывать.

6

Сократ. Давай же, восстановим в памяти то, что ты говоришь. Ты утверждаешь, что лживые способны, умны, понятливы и мудры в том, в чем они лживы.

Гиппий. Да, я это утверждаю.

Сократ. И что правдивые и лживые — различные люди и совершенно противоположны друг другу?

Гиппий. По моему, это так.

Сократ. Итак, по твоим словам как будто выходит, что лживые принадлежат к числу способных и мудрых?

Гиппий. Именно.

В Сократ. А когда ты говоришь, что лживые способны и мудры на это самое, разумеешь ли ты, что они способны лгать, если захотят, о том, в чем они лживы, или неспособны?

Гиппий. Способны, я думаю.

Сократ. Таким образом, можно подвести итог: лживые это мудрые и способные лгать.

Гиппий. Да.

Сократ. Значит, человек неспособный лгать и невежественный не может быть живым.

Гиппий. Это так.

Сократ. Способен же делать что-нибудь тот, кто делает, что хочет и когда хочет; я говорю не о том, кому мешает болельность или что-нибудь такое, но о способном в том смысле, как ты способен написать мое имя, когда захочешь. Ведь такого человека ты называешь способным?

Гиппий. Да.

Сократ. Теперь скажи мне, Гиппий: не правда ли, ты опытен в счете и в науке счисления?

Гиппий. О да, Сократ!

Сократ. Так что если бы тебя кто-нибудь спросил, сколько будет трижды семьсот, то ты, если бы захотел, очень быстро и легко сказал бы об этом правду?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Потому что ты в этом способнейший и мудрейший человек?

Гиппий. Да.

Сократ. Только ли мудрейший и способнейший, или и наилучший в том же, в чем и способнейший и мудрейший в счислении?

Гиппий. Конечно, и наилучший, Сократ.

Сократ. Итак, сказать правду об этом ты был бы способен как нельзя более. Не так ли?

Гиппий. Я думаю.

Сократ. Ну, а сказать ложь об этом же самом? Отвечай мне, Гиппий, как и раньше, благородно и откровенно: если бы тебя кто-нибудь спросил, сколько будет трижды семьсот, — кто всего лучше солгал бы и всегда одинаково говорил бы ложь, желая лгать и никогда не отвечать правду, ты, или невежда в счете мог бы лгать лучше тебя, желающего лгать? Не может ли случиться так, что невежда, желая солгать, иногда невольно скажет и правду вследствие своего незнания, ты же, мудрый, если только захочешь лгать, будешь лгать всегда и неизменно?

Гиппий. Да, это так, как ты говоришь.

Сократ. А лжец разве жив только относительно всего прочего, но не относительно числа, и в счете не будет лгать?

Гиппий. И относительно числа также, клянусь Зевсом.

8

Сократ. Итак, Гиппий, у нас установлено, что иной человек
в лжив и относительно счета и числа.

Гиппий. Да.

Сократ. Каким же мог бы он быть? Не нужно ли ему, как ты только что признал, быть способным лгать, если он должен быть лжецом? Ведь помнишь, ты говорил, что неспособный лгать никогда не сможет быть лжецом.

Гиппий. Да, помню, я так сказал.

Сократ. А не оказался ли ты только что самым способным лгать относительно счета?

Гиппий. Да, и это было сказано.

Сократ. Но ты в то же время и самый способный говорить правду относительно счета?

Гиппий. Совершенно верно.

Сократ. Так что один и тот же способен говорить и ложь и правду относительно счета, и это тот, кто силен по этой части, счетчик.

Гиппий. Да.

Сократ. Кто же окажется лживым в счете, Гиппий, как не тот, кто силен по этой части? Ведь он же—и способный; а способный и правдив.

Гиппий. Очевидно.

Сократ. Теперь ты видишь, что один и тот же и лжив и правдив относительно этого⁴, и правдивый ничем не лучше лживого. Ведь он тождествен ему, а не противоположен, как ты думал раньше.

Гиппий. Нет, не противоположен, по крайней мере в этой области.

Сократ. Так хочешь, посмотрим, как обстоит дело и в другой области.

Гиппий. Если хочешь, посмотрим.

9

Сократ. Ведь ты и в геометрии опытен?

Гиппий. О да!

Сократ. Что же? Разве и в геометрии не то же самое? Один и тот же способнее всего и лгать и говорить правду относительно чертежей: это — знающий геометрию.

Гиппий. Да.

Сократ. Итак, в этом силен он или кто другой?

Гиппий. Он, а не другой.

E.

Сократ. Значит, хороший и мудрый геометр способен и на то и на другое. И если кто-нибудь лжив относительно чертежей, то именно он — хороший геометр. Ведь он способен лгать⁵, а плохой геометр не способен, так что не может быть лжецом, если он не способен лгать, как мы видели.

Гиппий. Это так.

Сократ. Рассмотрим еще и третьего — астронома. В этой науке ты считаешь себя еще более сведущим, чем в тех, о которых мы говорили; ведь так, Гиппий?

368

Гиппий. Да.

Сократ. Не то же ли самое — и в астрономии?

Гиппий. Разумеется, Сократ.

Сократ. Значит, и в астрономии, если кто-нибудь вообще лжив, то лживым будет хороший астроном, тот, кто способен лгать. Ведь им не может быть человек не способный лгать: он невежествен.

Гиппий. Кажется, что так.

Сократ. Значит, и в астрономии один и тот же будет и правдивым и лживым.

Гиппий. Повидимому.

10

Сократ. Теперь возьми, Гиппий, и рассмотри точно так же все вообще науки, — в ином ли они положении или в том же. Ты ведь в большинстве искусств мудрейший из всех людей: я однажды слышал, как ты хвалился на площади у лавок, распространяясь о своей великой и завидной мудрости. Ты говорил, что однажды пришел в Олимпию, имея на себе предметы исключительно своего изделия: во-первых, перстень, — с этого ты начал, — который был на твоей руке, ты сам сделал, умея вырезать перстни; и другая печать была твоей работы; и скреб-

B

C

ницу и сосуд для масла ты сам сделал; и сандалии, которые были на тебе, ты сам сшил, и плащ выткал, и хитон. А что всем показалось особенно удивительным и доказывающим величайшую мудрость, так это было то, что, по твоим словам, пояс твоего хитона — совсем такой же, как дорогие персидские пояса, а сплел его ты сам. Кроме того, ты принес с собой стихотворения—эпические поэмы, и трагедии, и дифирамбы, и в прозе много разнообразных произведений. Ты пришел с выдающимися познаниями и в тех искусствах, о которых я только что говорил, и в ритмах, и в гармониях, и в правописании, и во многом другом еще кроме того, насколько помню. Да, совсем позабыл о твоём мнемоническом искусстве, в котором ты считаешь себя особенно блистательным; верно, есть много и другого, о чем я забыл. Так вот я и говорю, посмотри и на свои собственные искусства — а их достаточно — и на искусства всех других, и скажи мне, найдешь ли ты, исходя из того, в чем мы с тобой согласились, чтобы где-нибудь правдивый и живой были два человека, а не ³⁶⁹ один и тот же. Ищи в какой угодно мудрости или хитрости или как тебе нравится называть,—все равно, приятель, не найдешь, потому что нигде этого нет; ну-ка, скажи?

11

Гиппий. Так сразу я не могу, Сократ.

Сократ. Да и не сможешь, я думаю. А если я говорю правду, то помнишь ли, Гиппий, что выходит по нашему рассуждению?

Гиппий. Не совсем понимаю, Сократ, что ты имеешь в виду.

Сократ. Верно, ты сейчас не пользуешься мнемоническим искусством: очевидно, считаешь это ненужным. Так я тебе напомню. Помнишь, ты говорил, что Ахилл правдив, а Одиссей лжив и изворотлив.

Гиппий. Да.

Сократ. А теперь ты видишь, оказалось, что один и тот же лжив и правдив, так что если Одиссей лжив, то он и правдив; если правдив Ахилл, то он и лжив; и эти два мужа не различны и не противоположны друг другу, а одинаковы.

Гиппий. Ах, Сократ, всегда ты сплетаешь какие-то рассуждения и, выхватывая самое трудное во всяком вопросе, це-

пляешься за это и разбираешь по мелочам, а не пробуешь овладеть целиком предметом, о котором идет речь. Вот и теперь, ^С если хочешь, я многими доводами докажу тебе в убедительной речи, что Гомер изобразил Ахилла лучшим, чем Одиссея, и не лживым, а Одиссея лукавым и много лгущим и худшим, чем Ахилл. Если хочешь, противопоставь моей речи свою, в доказательство того, что Одиссей лучше. Так наши слушатели скорее узнают, кто из нас лучше говорит.

12

Сократ. Да я, Гиппий, и не сомневаюсь в том, что ты ^Д мудрее меня, но у меня такое обыкновение: когда кто-нибудь говорит, я отношусь к этому со вниманием, особенно если мне покажется, что говорящий мудр, и, желая понять, что он говорит, я с этой целью расспрашиваю его, пересматриваю и сопоставляю его слова; если же мне покажется, что говорящий плох, я его и не переспрашиваю и не интересуюсь тем, что он говорит. Из этого ты узнаешь, кого я считаю мудрым: ты заметишь, как я ^Е упорно слежу за тем, что он говорит, как я расспрашиваю его, чтобы получить пользу, научившись чему-нибудь. Вот и теперь, когда ты говорил, я обратил внимание на стихи, которые ты привел, выводя Ахилла произносящим речь против Одиссея, как болтуна, и мне кажется странным, если ты говоришь правду, что Одиссей, изворотливый, нигде не оказывается солгавшим, ³⁷⁰ Ахилл же оказывается каким-то изворотливым, согласно твоему определению: ведь он лжет. В самом деле, сказавши сперва эти слова, которые и ты только что привел:

Тот мне равно ненавистен с вратами подземного царства,

Кто на душе скрывает одно, говорит же другое,
он вскоре после того говорит, что Одиссей и Агамемнон его ^В не убедят, и что он ни за что не останется под Троей, а

Завтра я,
говорит,

Зевсу жертву свершу и прочим бессмертным,

И на бесплодное море суда нагруженные сдвину.

Можешь увидеть и сам, если хочешь и нужным считаешь,

Как по волнам Геллеспонта, обильного рыбой, с зарею,

С Полны прилежных гребцов, корабли мои быстро помчатся.
Если счастливый нам путь уготовит земли колебатель,
Вскоре, на третий же день, в плодородную Фтию прибуду⁶.

А еще ранее этого он, браня Агамемнона, сказал:

Ныне во Фтию отплыть я намерен: лучше гораздо
На кораблях округленных вернуться домой. Не желаю
D Здесь, оскорбленный тобой, твои умножать я богатства⁷.

Сказав это, один раз перед всем войском, другой раз своим товарищам, он совсем не делает приготовлений и не думает о том, чтобы спускать корабли для отплытия домой, а преспокойно не обращает внимания на правдивость своих слов. Вот я и спросил сначала тебя, Гиппия, затрудняясь решить, кого из этих
E двух мужей поэт изобразил лучшим, и думая, что они оба превосходны, и что трудно определить, кто из них лучше, как относительно лжи и правды, так и прочих добродетелей: ибо и в этом отношении оба они близки друг к другу.

13

Гиппий. Потому что ты неправильно рассуждаешь, Сократ. Ведь если Ахилл лжет, то ясно, что он лжет не с умыслом, а невольно, бедствием войска вынужденный остаться и оказать помощь; Одиссей же лжет добровольно и с умыслом.

Сократ. Ты обманываешь меня, дорогой Гиппий, и сам подражаешь Одиссею.

371 Гиппий. Нисколько, Сократ; чем это и в каком отношении?

Сократ. Тем, что ты говоришь, будто без умысла лжет Ахилл, который, согласно Гомеру, был такой обманщик и хитрец, что превзошел Одиссея, сумев легко провести его своим лживым хвостовством: он в его присутствии решается противоречить сам себе, и Одиссей этого не замечает; по крайней мере,
B он ничего не говорит ему такого, что показало бы, что он заметил его ложь.

Гиппий. Что ты имеешь в виду, Сократ?

Сократ. Разве ты не знаешь, что он, сказав Одиссею, о своем отплытии с наступлением зари, после этого говорит Эанту другое — что совсем не отплывет?

Гиппий. Где это?

Сократ. Там, где он говорит:

Я не подумаю раньше о кровопролитном сражении,
Чем от владыки Приама рожденный божественный Гектор с
Не подойдет к кораблям и палаткам дружин мирмидонских,
Много аргивян убив и огнем их суда уничтожив.
Перед моей же палаткой, моим кораблем чернобоким,
Гектор, и сильно желая, от битвы воздержится, верю⁸.

Неужели ты, Гиппий, считаешь сына Фетиды и воспитанника мудрейшего Хирона столь забывчивым, чтобы он, только D что выбрав болтунов последними словами и сейчас же после этого говоря Одиссею, что отплывает, а Эанту,—что останется, делал это иначе, как с умыслом, считая Одиссея простоватым и надеясь превзойти его этим самым — кознями и лганьем.

14

Гиппий. Я этого не думаю, Сократ. Если он говорит Эанту не то, что Одиссею, то и тут он передумал по простоте; а Одиссей E когда и правду говорит, то говорит с умыслом, и когда лжет, — точно так же.

Сократ. Выходит, значит, что Одиссеем лучше Ахилла.

Гиппий. Совсем нет, Сократ.

Сократ. Что же, разве мы только что не нашли, что добровольно лгущие лучше лгущих невольны?

Гиппий. Как же, Сократ, люди, добровольно поступающие несправедливо, добровольно замыслившие и совершившие зло, 372 могут быть лучше, чем те, которые делают это невольны? Этим вполне простительно, если кто-нибудь из них, по незнанию, поступит несправедливо, или солжет, или сделает другое какое зло. Ведь и законы для добровольно творящих зло и лгущих гораздо более строги, чем для делающих это невольны.

15

Сократ. Видишь, Гиппий, я говорил правду, что я настойчив в расспрашивании мудрых. Пожалуй, это одно во мне и хорошо, B а все остальное совсем дурно: ведь насчет житейских дел я слаб,

и не знаю, каковы они. Об этом мне достаточно свидетельствует то, что, когда я встречаюсь с кем-нибудь из вас, славящихся мудростью, которой свидетели все эллины, оказывается, что я ничего не знаю: ведь ни о чем, можно сказать, я не бываю одного мнения с вами. А что больше свидетельствует о глупости, как не то, если кто не согласен с мудрыми мужами! Но есть одно замечательное благо, которое меня спасает: я не стыжусь учиться, а допытываюсь и спрашиваю, и чувствую великую благодарность к тому, кто отвечает мне, и никогда не уклоняюсь поблагодарить за это. Я никогда не отрекался, что научился чему-нибудь, выдавая то, чему научился, за собственную находку; нет, я восхваляю научившего меня, как мудреца, и показываю, чему научился от него. Вот и теперь с тем, что ты говоришь, я не согласен,—напротив, очень сильно расхожусь с тобой. И я знаю, что это происходит по моей вине, потому что я таков, каков есть, чтобы не сказать о себе ничего большего. Мне, Гиппий, дело представляется совсем не так, как ты говоришь: по моему те, которые добровольно вредят людям, поступают несправедливо, лгут, обманывают и грешат, лучше тех, которые делают все это невольно. Правда, иногда мне кажется истинным противоположное, и я колеблюсь в решении этого вопроса, очевидно, потому, что не обладаю знанием. А вот сейчас, будто по наитию, мне кажется, что люди, добровольно согрешающие в чем-нибудь, лучше тех, которые делают это невольно. Я вижу причину теперешнего моего состояния в наших предыдущих рассуждениях, после которых мне и стало казаться, будто невольно творящие все это хуже тех, которые творят это добровольно. Так будь же добр, не откажи исцелить мою душу! Ты сделаешь мне гораздо больше добра, избавив мою душу от незнания, чем если бы избавил мое тело от недуга. Но предупреждаю тебя, что если ты вздумаешь говорить длинную речь, то не исцелишь меня, ибо я не смогу за тобой следить; а если ты согласен отвечать, как давеча, то очень поможешь мне, да и себе, я думаю, не повредишь. По справедливости, я могу призвать и тебя, сын Апеманта: ведь ты побудил меня начать беседу с Гиппием; так вот теперь, если он не захочет отвечать, попроси его за меня.

Евдик. Я думаю, Сократ, что Гиппий вовсе не нуждается

в нашей просьбе; ведь не такова была его предыдущая речь, и он В
сказал, что не уклонится ни от чьих вопросов. Ведь так, Гиппий?
Не это ли ты говорил?

Гиппий. Говорил, Евдик; но Сократ в разговоре постоянно
сбивает меня с толку. Похоже на то, как будто у него какой-то
злой умысел.

Сократ. Милый Гиппий, если я это и делаю, то не нарочно—
ведь тогда я был бы мудр и ловок, согласно твоим словам,—
а невольно, так что ты простишь меня: ведь ты говоришь, что
кто совершает зло невольно, того надо прощать.

Евдик. Так не поступай же иначе, Гиппий, но ради нас и С
того, что ты прежде говорил, отвечай, что́ будет у тебя спраши-
вать Сократ!

Гиппий. Если ты просишь, я буду отвечать. Спрашивай, что́
хочешь.

16

Сократ. Очень я хотел бы, Гиппий, рассмотреть то, о чем
мы ведем речь: кто лучше, погрешающие добровольно или не-
вольно. А подойти к этому рассмотрению лучше всего, я думаю,
так. Отвечай: называешь ли ты какого-нибудь скорохода хо-
рошим?

Гиппий. Называю.

Сократ. И дурным?

Гиппий. Да.

Сократ. Не правда ли, хороший — тот, кто хорошо бегают,
а дурной, — кто дурно?

Гиппий. Да.

Сократ. А плохо бегают тот, кто бегают медленно, и хорошо
тот, кто бегают быстро?

Гиппий. Да.

Сократ. Значит, в беге быстрота — добро, медленность —
зло?

Гиппий. Конечно.

Сократ. Какой же скороход лучше, тот, который медленно
бежит нарочно, или тот, который невольно?

Гиппий. Тот, который нарочно.

Сократ. А бежать, не означает ли делать что-нибудь?

Гиппий. Конечно, означает.

Е Сократ. А если делать, то и совершать что-нибудь?

Гиппий. Да.

Сократ. Значит, дурно бегущий совершает дурное и постыдное в беге?

Гиппий. Как же, — конечно, дурное.

Сократ. А дурно бежит бегущий медленно?

Гиппий. Да.

Сократ. И хороший скороход совершает это дурное и постыдное нарочно, а дурной — невольно?

Гиппий. Повидимому.

Сократ. Так что в беге тот, кто невольно совершает дурное, хуже того, кто совершает это добровольно?

Гиппий. В беге — да.

374 Сократ. А в борьбе? Какой борец лучше, тот, который падает нарочно, или тот, который невольно?

Гиппий. Кажется, тот, который — нарочно.

Сократ. А что хуже и постыднее в борьбе, падать или опрокидывать?

Гиппий. Падать.

Сократ. Значит, и в борьбе тот, кто нарочно совершает дурное и постыдное, лучше того, кто делает это невольно.

Гиппий. Повидимому, так.

Сократ. Ну, а во всяком другом телесном упражнении? Разве не может тот, у кого тело лучше, совершать и сильное и слабое, и безобразное и красивое, так что, совершая дурное в отношении тела, тот, кто лучше телом, совершает это нарочно, а тот, кто хуже, — невольно?

Гиппий. Повидимому, это верно по отношению к силе.

Сократ. А как по отношению к благообразию, Гиппий? Не свойственно ли лучшему телу нарочно принимать некрасивые и дурные позы, а худшему — невольно? Как ты думаешь?

Гиппий. Да, это так.

Сократ. Значит, и добровольное безобразие происходит от добродетели тела, а невольное — от его негодности.

Гиппий. Очевидно.

Сократ. А что ты скажешь относительно голоса? Какой

голос по твоему лучше, тот, что нарочно фальшивит, или тот, что невольно?

Гиппий. Тот, что нарочно.

Сократ. А хуже — тот, что невольно?

Гиппий. Да.

Сократ. А что ты предпочел бы иметь, хорошее или дурное?

Гиппий. Хорошее.

Сократ. Предпочел бы ты иметь ноги, хромающие нарочно, или невольно?

Гиппий. Нарочно.

Сократ. А не есть ли хромота порок и безобразие ног? D

Гиппий. Да.

Сократ. А слабость зрения? Не есть ли это порок глаз?

Гиппий. Да.

Сократ. Какие глаза ты хотел бы иметь? С какими быть? С такими, которые видят слабо и плохо нарочно, или с теми, которые — невольно?

Гиппий. Которые нарочно.

Сократ. Так что ты считаешь части своего тела лучшими в том случае, если они нарочно действуют дурно, чем если — невольно?

Гиппий. Да, по крайней мере, подобные этим.

Сократ. Итак, ко всему — и к ушам, и к носу, и ко рту, и ко всем органам чувств — подходит одно правило: те, что невольно действуют дурно, дурны, и иметь их нежелательно, а те, что нарочно, — хороши, и иметь их желательно. E

Гиппий. Мне кажется, так.

17

Сократ. А с какими орудиями лучше иметь дело, с теми, которыми нарочно действуешь дурно, или с теми, с которыми невольно? Например, какой руль лучше, которым невольно править дурно, или которым нарочно?

Гиппий. Которым нарочно.

Сократ. Точно так же и лук, и лира, и флейта, и все остальное?

Гиппий. Правда.

375 Сократ. А с какой душой лошадь лучше иметь?⁹ Такой, чтобы можно было нарочно ездить дурно, или чтобы пришлось делать это невольно?

Гиппий. Чтобы можно было нарочно.

Сократ. Значит, такая лучше.

Гиппий. Да.

Сократ. Значит, имея лошадь с лучшей душой, будешь нарочно делать дурно то, что зависит от этой души, а с худшей— невольно?

Гиппий. Совершенно верно.

Сократ. Не относится ли то же и к собаке и ко всем остальным животным?

Гиппий. Да.

Сократ. Ну, а стрелка с какой душой лучше иметь,—чтобы в он нарочно не попадал в цель, или чтобы невольно?

Гиппий. Чтобы нарочно.

Сократ. Значит, такая душа лучше для стрельбы?

Гиппий. Да.

Сократ. Следовательно, душа, погрешающая невольно, хуже погрешающей нарочно?

Гиппий. В стрельбе — да.

Сократ. А во врачевании? Не способнее ли ко врачеванию душа, нарочно причиняющая зло телу?

Гиппий. Да.

Сократ. Значит, такая душа лучше в этом деле?

Гиппий. Лучше.

Сократ. А в игре на кифаре и на флейте и во всех других с искусствах и науках не совершает ли лучшая душа дурное и постыдное и не погрешает ли нарочно, а худшая — невольно?

Гиппий. Очевидно.

Сократ. Так что мы предпочли бы иметь рабов с душами нарочно, а не невольно погрешающими и совершающими дурное, потому что такие души лучше.

Гиппий. Да.

Сократ. А свою собственную душу не желали бы мы иметь наилучшую?

Гиппий. Да.

Сократ. А она будет лучшей в том случае, если будет нарочно совершать зло и погрешать, или если невольно?

Гиппий. Все-таки, Сократ, было бы очень странно, если бы нарочно совершающие несправедливость были лучше, чем делающие это невольно.

Сократ. Но ведь это явствует из сказанного.

Гиппий. Только не для меня.

18

Сократ. А я думал, Гиппий, что и для тебя это стало очевидным. Отвечай же снова: есть ли справедливость некая сила, или знание, или и то и другое? Не правда ли, необходимо, чтобы справедливость была бы чем-нибудь из этого?

Гиппий. Да.

Сократ. Если справедливость есть сила души, то более сильная душа более справедлива¹⁰. А ведь у нас оказалось, любезнейший Гиппий, что такая душа лучше.

Гиппий. Оказалось.

Сократ. Ну, а если знание? Разве не будет более мудрая душа более справедливой, а более невежественная — более несправедливой?

Гиппий. Да.

Сократ. А если и то и другое? Тогда душа, имеющая и то и другое — и знание и силу, — более справедлива? Ведь так это должно быть?

Гиппий. Повидимому.

Сократ. Однако мы нашли, что эта более сильная и более мудрая душа лучше и способнее совершать одинаково и хорошее и дурное во всяком деле.

Гиппий. Да.

Сократ. И когда она совершает постыдное, она делает это по своей воле, благодаря силе и искусству; а эти качества, как мы видели, составляют справедливость, или оба, или одно из них.

Гиппий. Повидимому.

Сократ. И совершать несправедливость значит поступать дурно, а не совершать — поступать хорошо.

Гиппий. Да.

Сократ. Итак, более сильная и лучшая душа, если и будет совершать несправедливость, то — нарочно, а дурная — невольно.

Гиппий. Кажется, что так.

В Сократ. Хороший же человек — тот, у кого хорошая душа, а дурной, у кого дурная?

Гиппий. Да.

Сократ. Значит, хорошему человеку свойственно нарочно поступать несправедливо, а дурному — невольно, раз у хорошего хорошая душа¹¹.

Гиппий. Это, конечно, так.

Сократ. Следовательно, Гиппий, если кто-нибудь нарочно погрешает и совершает постыдное и несправедливое, то это не кто иной, как хороший.

Гиппий. Не знаю, Сократ, как мне с тобой в этом согласиться.

Сократ. Да и я не знаю, как согласиться с самим собой,

с Гиппий; однако, теперь уже нам приходится сделать такой вывод из рассуждения. Впрочем, как я и раньше говорил, я здесь колеблюсь в разные стороны, и всегда мне это представляется различно. Но что колеблюсь я или другой обыкновенный человек, в этом нет ничего удивительного; а вот если и вы, мудрые, станете колебаться, то это страшно и для нас, потому что, даже прибегнув к вам, мы не успокоимся от блуждания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (363 С). Олимпийские игры, происходившие в Олимпии (в Элиде, на западном берегу Пелопоннеса) раз в четыре года, имели значение общеэллинского религиозного учреждения. По свидетельству Филострата (Биографии софистов, 493), эти игры были излюбленным полем деятельности софистов.

² (364 Е). „Мольбы“ (*Αἰαί*) — название IX песни Илиады, где описывается отправление к Ахиллу посольства с целью умолить его принять участие в военных действиях. Цитируются стихи 308 сл. (с незначительными отклонениями от наших рукописей Илиады).

³ (365 Е). В части рукописей за этим следуют слова „...того, что делают, или не обладают“; мы принимаем чтение, дающее лучший смысл.

⁴ (367 D). На ошибочность этого умозаключения, основанного на смешении понятий „способный лгать“ и „лжец“, указывает Аристотель (Метафизика, 1025 а 7).

⁵ (367 Е). Читаем *ψευδής μὴ δυνάμενος*; при этом чтении выходит, правда, что Сократ два раза повторяет одно и то же, но это вполне оправдывается непонятливостью его собеседника; рукописное же чтение *ψευδής ὁ μὴ δυνάμενος* лишает слова Сократа всякого смысла.

⁶ (370 В). Илиада, IX, 357 сл.

⁷ (370 D). Илиада, I, 169 сл.

⁸ (371 В). Илиада, IX, 650 сл.

⁹ (375 А). Слово „душа“ (*ψυχή*) здесь и ниже употреблено в не совсем обычном значении „совокупность внутренних задатков“.

¹⁰ (375 Е). Опять ошибочное умозаключение: позволительно было бы сказать лишь, что более справедливая душа более сильна.

¹¹ (376 В). „...если только есть такой человек...“ — многозначительная оговорка, определяющая смысл всех предыдущих рассуждений.
